

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Прохоровой*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 **Интим не предлагать :** [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Авантюрный детектив Т.Поляковой).

ISBN 978-5-04-088546-6

Не открывайте чужие шкафы, из них может вывалиться труп. Дарья Агафонова на свою голову шкаф открыла. И тут же стала опасной свидетельницей. А такие долго не живут. Жди теперь убийцу. Но сидеть и ждать не в привычках Дарьи. В свое время она скрутила сексуального маньяка. А чем хуже убийца?! Он ищет свидания с ней? Он его получит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088546-6

Он стоял передо мной, уставясь в пол, переминался с ноги на ногу и громко сопел, пытаясь таким образом выразить свое негодование по поводу затянувшегося допроса.

— Ну и?.. — вздохнув, спросила я. Он поскреб затылок, поддал кроссовкой угол коврика, склонил голову ниже и засопел еще выразительнее. — Так, — удовлетворенно кивнула я, медленно наливая краской. Само собой, удовлетворение относилось не к тому факту, что Сенька молчит как рыба, намекая на свое присутствие лишь выдающимся сопением, а к тому, что я в очередной раз оказалась права: педагог из меня никудышный и со стороны сестры было чистым безумием попросить меня присмотреть за ее единственным и чересчур любимым чадом. Десять дней назад именно эту мысль я пыталась довести до ее сознания, когда она, позвонив часа в два ночи, с места в карьер заявила:

— Дарья, мы уезжаем.

— Свинство какое, — чуть не плача ответила я. — Я только что уснула, и вот пожалуйста.

— Не ворчи, — отмахнулась Машка, которая была на тринадцать лет старше меня и по этой самой причине верила, что совершенно необяза-

тельно считаться с моим мнением. — Ты слышала, что я сказала?

— Конечно. — Я потерла глаза и устроилась в постели поудобнее, зная склонность сестры к долгим телефонным разговорам.

— Ну и что?

— Что? — удивилась я.

— Мы уезжаем, — начала свирепеть Машка. — А ты даже не спросишь куда.

— Слушай, два часа ночи, чего ты от меня хочешь? Ну куда?..

— Мы едем на раскопки. В пустыню...

— Тоже мне новость. — Теперь я начала злиться: сестра у меня археолог, так же как и ее муж, и в этой самой пустыне они сидят безвылазно по девять месяцев в году, окончательно свихнувшись на черепках, костях, неолите и прочей совершенно недоступной моему пониманию ерунде. Впрочем, крамольных мыслей в присутствии сестры я никогда не высказываю. — Слушай, Машка, — жалобно начала я. — Вали в свою пустыню и позвони мне оттуда днем, а? У меня нормальный биологический цикл, ночью я сплю, хоть ты можешь мне и не поверить...

— Помолчи немного, — прервала сестра мои излияния. — Мы уезжаем через два дня. А у Сеньки каникулы. Что ему делать в пустыне?

По моему мнению, там и Машке делать было нечего, а уж ребенку тем более.

— Отправь его к бабушке, — понемногу приходя в себя, посоветовала я.

— Ты же знаешь, Марина Васильевна недавно перенесла операцию, ей нужен покой...

Тут до меня наконец-то дошло: Машкина све-

кровь поправляется после операции, другой близкой родни у нас не наблюдается, выходит...

— Э-э, — начала я не совсем уверенно. — Ты хочешь, чтобы я взяла Сеньку к себе?

— Конечно. На два месяца. У тебя же отпуск. Вот и отдохнете.

Вообще-то я планировала провести отпуск иначе.

— Слушай, а кто всегда считал, что мне нельзя доверять ребенка, что я его испорчу, все такое...

— Я и сейчас так считаю, но у меня нет выбора. В общем, я купила билет. Сенька приедет в среду, в 15.20. Обязательно встретить его, он непременно наберет груды всякого дурацкого барахла.

— Хорошо, — покорно сказала я. — Только потом никаких претензий. Я плохой педагог, и тебе это доподлинно известно, я не умею воспитывать детей, особенно твоего Сеньку, а если и воспитываю, то неправильно.

— Воспитывай как умеешь, домой вернется, и будем перевоспитывать. Значит, в среду, в 15.20. Не забудь.

В среду я, изнывая от жары, томилась на вокзале, приехав туда где-то в половине третьего, автобус запаздывал, и я битый час торчала на солнцепеке. Видавший виды «Икарус» наконец возник из-за поворота, остановился, странно дернулся, а я подумала: «За сорокаминутное опоздание грех на него обижаться. Скорее удивляет, как эта развалина вообще смогла преодолеть четыреста километров». Дверь открылась, появились пассажиры, а я принялась высматривать Сеньку. Голова его тут же возникла в третьем окне, он улыбал-

ся и махал мне рукой. Я тоже замахала руками, неизвестно чему радуясь, а через пару минут любимый племянник оказался в моих объятиях.

— Рада, что я приехал? — спросил он, излучая довольство.

— Еще как, — ответила я.

— Меня на все каникулы отправили. До тридцатого августа. Здорово, правда?

— Я счастлива.

— А у тебя когда отпуск?

— С пятнадцатого июля.

— Класс, на рыбалку поедем, на Волгу, как в позапрошлом году? А еще можно в поход на великах...

— Можно, — согласилась я. То, что меня ожидает чрезвычайно активный отдых, сомнений не вызвало. Болтая таким образом, мы извлекали из багажного отделения сумки, я насчитала их восемь штук. — Что это такое? — удивилась я, когда Сенькино добро было выгружено и заняло все свободное пространство вокруг нас.

— Вещи, — пожал плечами племянник.

— Вижу, что вещи. В твоём возрасте я путешествовала налегке. И как, скажи на милость, мы допрем все это до машины?

На счастье, стоянка была недалеко, навьюченные, как верблюды, короткими перебежками мы добрались до нее и погрузили вещи в багажник.

— Дарья, — ликовал Сенька, — я так рад, что приехал к тебе...

Ну а теперь он вовсе не улыбался, а усердно сопел, не оставляя ковер в покое, ковырял его кроссовкой и томился под моим горящим взглядом.

— Объяснять ты ничего не хочешь, — кивнула

я. — Я, со своей стороны, не желаю видеть племянника инвалидом, а дело, судя по всему, идет к этому. Остается одно: дать телеграмму твоим родителям...

— Не надо, — торопливо сказал он.

— Надо, надо, ты почти калека, а я даже не знаю, в чем дело...

— Никакой я не калека, чего ты выдумываешь? — Сенька коснулся пальцами синяка под левым глазом прямо-таки выдающихся размеров и добавил: — Обычное дело...

В принципе, я была с ним согласна: синяк для четырнадцатилетнего мальчишки и в самом деле не бог весть что, да вот беда, его правый глаз украшал точно такой же синяк, приобретенный вчера, и тоже по обычному делу. Так как у Сеньки, как у всех нормальных людей, только два глаза, мне оставалось только гадать, в каком виде он появится завтра.

— Вчера ты неудачно упал с велосипеда, — добавив в голос суровости, напомнила я. — Упал с велосипеда и заработал синяк под глазом. Я не учинила тебе допрос с пристрастием, хотя сама, падая с велосипеда, обдирала колени или лоб, на худой конец. Но сегодня тебе все же придется объяснить, почему ты так упорно падаешь с велосипеда, и все на глаза.

— Это мое личное дело, — пробормотал он.

— Извини, теперь уже нет. Я за тебя отвечаю. Если бы твоя мать видела тебя сейчас, с ней бы случился нервный припадок. Отправляя тебя ко мне, она рассчитывала, что здесь ты по крайней мере в безопасности. И что?

— Что? — Теперь он вздохнул со всхлипом,

опустил плечи и принял самый что ни на есть покаянный вид.

— Ничего. Завтра же с первым автобусом к бабушке, а там к родителям в пустыню. В пустыне драться будет не с кем, на то она и пустыня.

— Я за правое дело, — торопливо сказал он.

— Само собой, — кивнула я. — А что за дело такое?

Он еще немного помялся, но все же ответил:

— Он фотографию отобрал. И не отдает.

— Фотографию? — не сразу дошло до меня. — Какую?

— Анину...

Аня — это, между прочим, Сенькина девушка. Он, как истинный влюбленный, носил ее фото с собой в одном чехле с проездным билетом.

— Зачем кому-то ее фотография? — нахмурилась я.

— Незачем, просто из вредности. Я ее Петьке показывал, а этот гад подошел и выхватил. Я говорю, отдай, а он всякие гадости... Я ему и врезал.

— А он тебе, — подсказала я.

— Между прочим, их было трое, а я один...

— Почему один, а Петька?

— Петька удрал. Испугался.

— Вот так друг. А на труса вроде бы не похож.

— Петька не трус, он испугался, Упыря все боются. И я боюсь, но ты сама всегда говоришь: со злом надо бороться и всяким гадам спуску не давать. А Упырь самый настоящий гад и есть.

«Вот уж что верно, то верно».

— Да где ж вас черт свел? — не очень педагогично рывкнула я. — Ведь Упырь к нам во двор не ходит.

— В парке. Мы с Петькой в тир пошли пострелять, а потом за мороженым. Сидели на скамейке, а эти сзади подошли. Упырь фотографию у Петьки вырвал... у меня бы не вырвал.

— Ясно, — пробормотала я. — А сегодня вы где встретились?

— Мы не встретились. Я сам к нему в парк ходил, чтоб фотографию вернуть.

— Вернул?

— Нет. Ну ничего...

— Завтра опять пойдешь? — кашлянув, спросила я, пытаюсь скрыть чувство глубокого неудовлетворения, всецело заполнившего мою душу.

— Пойду, — буркнул Сенька упрямо.

— Может, он уже разорвал ее?

— Нет. Он мне ее показывал. Дразнит...

— Ага, — только и нашла я что сказать, косясь на Сеньку. Племянника родители воспитывали правильно, всяким гадам в самом деле спуску давать нельзя, но теперь я этому обстоятельству была совсем не рада. Дело в том, что в нашем районе Упырь — личность известная. Парню семнадцать лет, школу давно бросил, родителям до него никакого дела. Собрал вокруг себя ребятшек лет пятнадцати и целыми днями шатается по улицам. Вечерами многие родители были вынуждены встречать своих деток, если их путь лежал через парк (обычное место дислокации Упыря с компанией), да и взрослые без особой нужды в парке появляться не решались. И вот теперь эта шпана прицепилась к моему Сеньке. Сама по себе ситуация не из приятных, а тут еще правильное воспитание: сиди племянник во дворе, глядишь, Упырь оставил бы его в покое, наш двор его не жаловал, и он его тоже, но

ведь Сенька сам на рожон лезет... Ну надо же... А до моего отпуска еще целая неделя, за это время мальчишку и в самом деле без ног оставят.

Я поднялась с кресла и подошла к Сеньке, вздохнула, а он наконец поднял на меня глаза, ясные и чистые, как небо в погожий летний денек, и под этим взглядом мне ничего не осталось, как широко улыбнуться.

— Пойдем примочку делать, — положив руку ему на плечо, сказала я.

Аккуратными кружочками нарезая помидоры, я то и дело поглядывала в окно. Сосредоточиться на приготовлении любимого салата никак не удавалось. Очень меня беспокоили Сенькины синяки и мучил вопрос: какого очередного увечья следует ожидать. То, что увечья будут, — не вопрос, Упыря я знала неплохо, а Сенька, как ни крути, прав: фотографию любимой девушки у негодяя следует отобрать. Только как это сделать мальчишке, когда его противник на три года старше, вдвое сильнее, да еще имеет привычку везде таскать за собой свору таких же головорезов?

Три года назад только благодаря моим стараниям Упырь, в миру Серега Клюквин, не был отправлен в исправительное учреждение для малолетних преступников, о чем я сейчас, по понятным причинам, очень сожалела. Впрочем, и без синяков на Сенькиной физиономии поводов сожалеть об этом было предостаточно; как я уже говорила, за три года Серега Клюквин из мелкого воришки сделался грозой района. Конечно, колония парню вряд ли бы пошла на пользу, зато жильцам соседних домов было бы много спокойнее. Но три года назад... Три

года назад я была наивной дурочкой, вот что. По Упырю тюрьма плачет, он туда отправится со дня на день, а вот если бы это произошло раньше, сейчас у меня не было бы головной боли.

Я отбросила нож в сторону, оперлась руками на край стола и тяжело вздохнула.

— Надо что-то делать, — пробормотала я под нос и вновь уставилась в окно.

Там не было ничего примечательного: двор, кусты боярышника и пес Кузя, отдыхающий в теньке возле своей будки. Пес был общедворовым: несколько лет назад появился неизвестно откуда и завоевал нашу любовь общительным и веселым нравом, хоть и выглядел внушительно, потому что был московской сторожевой. Я давала объявления в газету, но за Кузей никто не пришел. Общими стараниями возле гаражей ему соорудили будку, а кормили всем двором, зимой, когда становилось особенно холодно, пес жил в подъезде. Двор Кузя в одиночку никогда не покидал, должно быть, наученный горьким опытом, целыми днями носился с детишками и громким лаем оповещал о том, что во дворе чужие.

— Кузя, — позвала я, пес подошел, слегка потягиваясь, а я, перегнувшись через подоконник, дала ему сосиску. — У Сеньки два синяка, — решила я пожаловаться, понижая голос, чтобы племянник меня не услышал. — Упырь отобрал у него фотографию любимой девушки. Что ты на это скажешь? — Услышав об Упуре, Кузя насторожился. Упыря он терпеть не мог. Прошлым летом, воспользовавшись тем, что характер у пса на редкость благодушный, Упырь сыграл с ним злую шутку, правда, здорово поплатился за это. Терпеливый

Кузя пришел в бешенство и покусал мучителя, тому наложили двенадцать швов в районе тазобедренного сустава, и парень пару недель мог либо стоять, либо лежать на животе, но только не сидеть. Его мамаша, Валька Клюквина, на ту пору как раз пребывала в редком межзапойном состоянии и, явившись в наш двор, визгливо требовала уничтожить Кузю. Пса мы отстояли, и с тех пор у Кузи с Упырем пошла вражда. Упырь в нашем дворе появляться не рисковал, чему жильцы трех пятиэтажек были безумно рады.

Кузя проглотил сосиску, хитро посмотрел на меня и перевел взгляд в сторону, как раз туда, где между двумя домами был выход с нашего двора.

— Думаешь, следует Упыря навестить? — настояжилась я. Пес вполне отчетливо кивнул. Я потерла нос, покусала губы и наконец согласилась. — Ладно, по крайней мере мы должны выяснить, что происходит и как далеко все это зашло. Не могу я позволить, чтобы ребенка колотил какой-то там Упырь. — Я еще некоторое время распиналась в том же духе, скармливая собаке сосиски. Кузя ел степенно, не чавкал, время от времени поглядывая на выход со двора. Облизнулся и тихо тьякнул. Если честно, я всегда замечала за собой склонность к болтливости, а уж когда волнуюсь, тут просто беда какая-то: тараторю без остановки. Даже Кузя обратил на это внимание, мне стало стыдно, я сказала ему: — Жди, — отошла от подоконника, сняла фартук и прокралась к маленькой комнате.

Сенька крепко спал, свесив голову с кушетки. Я на цыпочках подошла к нему, осторожно сняла наушники, выключила магнитофон и спешно покинула квартиру. Кузя сидел возле подъезда. Я свистну-

ла, и мы, тревожно оглядываясь, отправились со двора. В основном оглядывался Кузя, как я уже сказала, покидать двор он не любил, но другом был верным, оттого и вышагивал рядом, хотя особого удовольствия от этого не испытывал.

Миновав гаражи, мы вошли в соседний двор. Пес насторожился.

— Для начала проведем разведку, — сочла необходимым пояснить я, чтобы он понапрасну не ломал себе голову. — А уж после этого отправимся к Упырю.

Не успели мы сделать и десяти шагов, как в кустах акации по-соседству что-то затрещало и на узкую тропинку выскочил мальчишка лет восьми и, едва не сбив Кузю (тот успел вовремя отпрыгнуть), опрометью бросился через двор и скрылся за углом двухэтажки, где располагался магазин. Только-только мы начали приходить в себя, как в кустах вновь раздался треск, затем послышался странный шлепок, кто-то охнул и громко сказал:

— Холера...

Кузя выразил недоумение легким шевелением ушей, а я полезла в кусты, потому что голос мне показался знакомым. С некоторой настороженностью раздвинув ветки, я увидела метрах в трех от песочницы нашего участкового Петровича, мужчину внушительной комплекции и совершенно лысого. В настоящий момент он, припадая на одну ногу, ковылял к песочнице. Лысина его приобрела брусничный оттенок, а я с удивлением отметила, что выглядит Петрович крайне непривычно: без головного убора да еще и в спортивном костюме.

— Петрович, — позвала я. — От тебя Чугунок улепетнул?